

С. Н. Кистерев

ДВЕ ПОПРАВКИ К ПРОЧТЕНИЮ СОЧИНЕНИЯ ИВАНА ТИМОФЕЕВА

Несомненно, что важнейшим условием правильного использования любого существующего в виде более или менее пространного текста исторического памятника, не имеет существенного значения — документального или повествовательного, является адекватное восприятие его содержания. По этой причине возникает необходимость трактовки встречающихся в нем терминов, понятных для людей, живших в эпоху, к которой относится возникновение этого памятника, и часто неясных для исследователя, или даже целых фрагментов текста.¹ В последнем случае для нарративов отдаленных столетий появляется потребность в переводе соответствующих мест на современный исследователю язык, что часто сопрягается с некоторыми сложностями, поскольку сам автор изучаемого сочинения, пусть неосознанно, приложил немало усилий для того, чтобы результат его работы оказался труден для восприятия читателя. К числу таких нарративов относится «Временник Ивана Тимофеева», по признанию ряда историков, отличающийся нарочитым усложнением используемых языковых средств.²

¹ Хотя в отношении памятников эпохи Смуты сказано, что «отечественная медиавистика вплотную подошла к необходимости создания работ обобщающего характера» (Туфанова О. А. Древнерусская литература о Смутном времени как художественный феномен. М., 2019. С. 23), это не подразумевает отказа от продолжения источниковедческих изысканий и проникновения в смысл написанного авторами XVII в., что в дальнейшем может повлиять и на содержание новых обобщающих трудов.

² По словам исследователя, всегда в собственных трудах уделявшего особое внимание ясности и точности выражений (Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (научное наследие). М., 1987. С. 68), у Тимофеева «изысканность языка и ораторское многословие в связи с безграмотностью иногда делают

Особенности языка, которым написан «Временник», и некоторые другие его черты позволили даже высказать мнение об относительно скромной роли дьяка при создании памятника. Характеризуемая И. И. Полосиным как «плетение словес»³ витиеватость языка, которым написан текст, извлечения из теологической литературы, писал С. В. Дмитриевский, «наводит нас на мысль, что действительным автором „Временника“ бы митрополит Исидор, а Иван Тимофеев являлся в известной мере лишь орудием, писцом, который записывал и приводил в порядок различные высказывания митрополита. Но, судя по всему, он не был слепым орудием, он и сам был образован, сведущ во многих фактах, к тому же одухотворен той же моральной исходной точкой и, возможно, теми же политическими симпатиями и антипатиями, что Исидор. С этой точки зрения можно рассматривать „Временник“ как коллективное произведение двух единомышленников. И уже этим можно объяснить некоторые замечательные особенности „Временника“, судьбу этого произведения и его забвение».⁴

рассказ непонятным набором слов» (*Ключевский В. О.* Сочинения в девяти томах. Т. 7. М., 1989. С. 168). По суждению В. Л. Комаровича, стиль Тимофеева — «стиль кадансированных периодов, с крайне усложненным синтаксисом, при отсутствии всяких признаков разговорной речи, с искусственным, по книжным образцам, словообразованием» (*История русской литературы.* Т. 2. Ч. 2. М.; Л., 1948. С. 56).

Несомненно, эти особенности должны были сказаться на отношении читателя к труду дьяка. Д. С. Лихачев писал: «По старой манере подменять живую мысль риторикой, он крайне запутывает изложение и в общем лишает себя читателей, о чем свидетельствует то, что дошло это сочинение в единственном списке и оставило по себе единственный след — в правительственном продолжении „Книги Степенной“ 60-х годов XVII века» (*Лихачев Д. С.* Подступы к решительным переменам в строевании литературы // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 9. Правда, в свое время В. П. Адрианова-Перетц усматривала отражение данной Иваном Тимофеевым характеристики государства царя Михаила Романова как «триличного царства» в сказочном «Сказании о зачатии преславного царствующего града Москвы» (*История русской литературы.* Т. 2. Ч. 2. С. 250)). С Лихачевым согласен А. В. Каравашкин: «Тимофееву абсолютно чужды завершенность и ясность. Вместо последовательного нарратива — „собрание пестрых глав“, беспорядочные заметки, возвращение к уже написанному, повторы. Кажется, Тимофеев делает все от него зависящее, чтобы читателей у его труда было немного. Довершает все славянизированная орнаментальность „Временника“. Автор с каким-то неофитским рвением сооружает неприступные риторические периоды...» (*Каравашкин А. В.* Иван Тимофеев: история и риторика // *Россия XXI.* 2013. № 6. С. 110).

³ *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. Сборник статей. М., 1963. С. 264, 266, 268.

⁴ *Дмитриевский С.* Дьяк Иван Тимофеев и его исторический труд // *Чело.* 2000. № 2 (18). С. 35. О Сергее Васильевиче Дмитриевском см.: *Коваленко Г.* Стокгольмский невозвращенец // Там же. С. 32–33.

Сохранившийся в единственной, найденной еще в начале 1833 г. Я. И. Берединовым рукописи «Временник» как памятник общественной мысли был открыт

Проанализировавший «Временник» «на основании герменевтики текста и при условии выяснения происхождения самого флорищевского списка» Д. А. Рыбаков, тем не менее, отмечая, что «текст действительно является абсолютно неудобочитаемым, что не вполне соответствует творчеству приказных „графоманов“», ограничивается заявлением: «дьяк Иван Тимофеев по-прежнему остается наиболее вероятным автором „глаголемого временника“». ⁵ Эти сомнения в принадлежности «Временника» Ивану Тимофееву Я. Г. Солодкин счел неоправданными, ⁶ и приложил немало усилий для опровержения положений скептиков, отстаивая традиционную версию о принадлежности «Временника», ⁷ которой в дальнейшем и будем придерживаться, хотя для рассматриваемого вопроса принципиального значения вопрос об авторстве не имеет. ⁸

Посвященный описанию истории Русского государства от времени царствования Ивана IV до начала правления Михаила Романова, «Временник», по воле его автора, «историка-мыслителя» или «историка-философа», ⁹ многие годы прослужившего в административных структурах в Москве и Великом Новгороде, ¹⁰ содержит характери-

П. М. Строевым (Солодкин Я. Г. К истории введения в научный оборот «Временника» Ивана Тимофеева // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 171–172).

⁵ Рыбаков Д. А. «Временник Ивана Тимофеева» — несостоявшийся историографический проект начала XVII в. // ДРВМ. 2007. № 2 (28). С. 61–63.

⁶ Солодкин Я. Н. Иван Тимофеев и его русские современники о воцарении Бориса Годунова (к истории Земского собора 1598 года) // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. М., 2008. С. 56. Примеч. 4.

⁷ См.: Солодкин Я. Г. 1) О двух спорных вопросах истории русской публицистики кануна и времени Смуты // ДРВМ. 2008. № 1 (31). С. 87–94; 2) «Мужуусобная кровь пролилась». Очерки по истории публицистики и летописания в России конца XVI — первой трети XVII вв. Нижневартонск, 2011. С. 75–84, 87–89. Тем не менее, например, В. Г. Вовина-Лебедева полагает, что, как излагает ее мнение А. А. Селин, «окончательно вопрос об авторстве Тимофеева в принципе неразрешим» (Селин А. А. Смута на Северо-Западе в начале XVII века: Очерки из жизни новгородского общества. СПб., 2017. С. 453).

⁸ Как, впрочем, и версия авторского наименования сочинения. Я. Г. Солодкин допускает, что название «Временник» принадлежит не автору, а редактору сочинения (Солодкин Я. Г. К истории редактирования «Временника» Ивана Тимофеева в 30-х — 80-х годах XVII в. // ВАА. Вып. 34. М.; СПб., 2021. С. 4 (= Солодкин Я. Г. «Конечная погибель Русской земли»: публицистика и летописание в России кануна и времени Смуты. М., 2024. С. 37)).

⁹ Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 7. С. 391–392; Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. С. 327.

¹⁰ Биографические сведения об Иване Тимофеевиче Семенове см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 514–515; Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. Т. 17. М.; Л., 1961. С. 454–467; Корецкий В. И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // АЕ за 1974 год.

стики целого ряда исторических деятелей,¹¹ среди которых первое место, естественно, занимают сами царствовавшие особы, и в этом ряду немалое внимание Тимофеевым уделено личности Бориса Годунова, жизненный путь которого рассмотрен сочинителем с неприкрытым пристрастием, что отмечалось исследователями, специально изучавшими сочинение дьяка как литературный памятник. Так, например, О. А. Державина заметила: «Глубоко не сочувствуя внутренней политике „дворянского царя“ Годунова, который, продолжая дело Грозного, укреплял положение служилого дворянства, Тимофеев не может не видеть его ума, его административных способностей, наконец, высоких качеств его как человека. Но он не может понять истинного смысла деятельности Годунова и правильно оценить ее. Наоборот, собрав все те сплетни и слухи, которые распускала о Годунове враждебная ему боярская партия, он создает из него образ интригана и злодея».¹²

В процитированном фрагменте для нас теперь важно не продекла-рированное отношение дьяка к Борису Федоровичу как к «дворянскому царю», будто бы укреплявшему позиции именно этого социального слоя,¹³ а внимание к созданию Тимофеевым определенного облика

М., 1975. С. 145–157; *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 138–146, 295–299; *Солодкин Я. Г.* 1) Иван Тимофеев сын Семенов (по прозвищу Кол) // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 14–15; 2) О двух спорных вопросах истории русской публицистики кануна и времени Смуты. С. 90; *Лисейцев Д. В.* 1) Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 627; 2) Новые сведения о жизни и семье дьяка Ивана Тимофеева // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 160–162; *Рыбаков Д. А.* Судебная эпопея дьяка Ивана Тимофеева: коррупция и государственный аппарат в Новгороде начала XVII в. // НИС. Вып. 12 (22). М.; СПб., 2011. С. 171–182; *Селин А. А.* Смута на Северо-Западе в начале XVII века. С. 453–455, 466, 585.

Время создания «Временника» в его сохранившемся виде относится к последним годам жизни дьяка. О. А. Державина датировала завершение работы над «Временником» 1627–1628 годами (*Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // *Временник Ивана Тимофеева*. СПб., 2004. С. 356–357). По заключению Я. Г. Солодкина, «Временник» писался вплоть до смерти автора в 1631 г. (*Солодкин Я. Г.* О двух спорных вопросах истории русской публицистики кануна и времени Смуты. С. 92).

¹¹ При этом было бы неверным вслед за Д. С. Лихачевым (*Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 11) видеть во «Временнике» собрание именно характеристик деятелей и событий Смуты, против чего справедливо возражает Я. Г. Солодкин (*Солодкин Я. Г.* «Конечная погибель Русской земли». С. 84. Примеч. 1).

¹² *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // *Временник Ивана Тимофеева*. СПб., 2004. С. 386.

¹³ Самого Ивана Тимофеева И. И. Полосин характеризовал как «пособника крепостников, мучителей и душителей крестьян-повстанцев», дьяка-бюрократа, который

Годунова, в коем черты исключительно неприглядные сочетаются с незаурядными интеллектуальными способностями. Наследник последних Рюриковичей на московском престоле действительно, в глазах дьяка, отличался необходимыми для государственного деятеля особенностями, не свойственными ни его непосредственному предшественнику, ни ближайшим преемникам. В связи с этим обращают на себя внимание те места в повествовании автора «Временника», где говорится о степени овладения Борисом книжной премудрости.

В первом случае дьяк Иван записал: «Он же презре словес силу, глаголемых богом, ли не разуме, отнюдь, бо бе сим не искусен сы, от рожения бо до конца буквенных стезь ученьми не стрывая. И чюдо, яко первый таков царь не книгочий нам бысть».¹⁴ Это высказывание может создать впечатление о констатации Тимофеевым полной безграмотности Годунова, каковое и нашло отражение в представляемых переводчиками переложениях процитированного фрагмента. Так, О. А. и А. М. Державины предложили собственный перевод текста: «А он презрел силу сказанных богом слов или не знал их, потому что совсем был не искусен в этом, так как от рождения и до смерти не проходил путей буквенного учения».¹⁵ В. И. Охотникова несколько изменила фразеологию перевода: «А он пренебрег силой слов, сказанных богом, или не знал их, ибо был совсем не искусен в этом, от рождения до смерти он не протаривал книжных путей учения».¹⁶ Окончание фрагмента текста в этом варианте перевода, на наш взгляд, не соответствует содержанию оригинала. Крайне сомнительна справедливость использования глагола «протаривал», поскольку Годунов должен был бы не пролагать новых путей, а пользоваться уже известными для достижения знания. Однако и эта поправка не меняет основного в тексте перевода, каковым является отрицание владения Борисом Федоровичем элементарной грамотностью, способности прочитать нечто из числа заповеданного божеством в писаниях.

«был верным слугой феодала в строительстве феодального государства», находившегося в морально-политической связи с боярской средой (*Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. С. 265, 267, 271).

¹⁴ Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 56.

¹⁵ Там же. С. 222.

Много ранее, не называя конкретных имен, С. Д. Шереметев, сам задаваясь вопросом о грамотности Бориса Федоровича, писал: «Современники его, как русские, так и иностранные относятся к этому вопросу отрицательно, и мнение это, по-видимому, установилось» (*Шереметев С. Д.* Грамоты с подписями Бориса, Дмитрия и Степана Годуновых (7080–7111 гг.) // ЧОИДР. 1897. Кн. 1. С. 1).

¹⁶ ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 289. В позднейшей публикации последнее слово выглядит иначе: «учением» (БЛДР. Т. 14. СПб., 2016. С. 569).

Примечательно, что обе переводчицы трактуют выражение «не разуме» как «не знал», тогда как более верным представляется видеть здесь иной смысл — «не понимал».¹⁷ Однако в этом случае можно говорить не о неграмотности в современном нам смысле, а о поверхностном ознакомлении с некими текстами, без усвоения их подлинного смысла, что подразумевает все-таки как минимум умение читать.

Особое внимание следует обратить на выражение Тимофеева «до конца буквенных стезь ученьми не стрывая». Составителями новейшего словаря «стезя» однозначно понимается как путь, по которому происходит движение, а «стрывая» именно в данном фрагменте сочинения Ивана Тимофеевича трактуется как «истаптывать».¹⁸ Тем самым сказанное писателем вряд ли стоит понимать как полное отрицание знакомства Бориса с элементами простейшей грамотности, как это расценивалось публикатором сочинения.¹⁹ Скорее, подразумевается именно отсутствие у Годунова сколько-нибудь значимой начитанности и соответствующего восприятия прочитанного, которые и предполагали бы «истаптывание строк», неоднократное их, то есть тех самых «стезей», прохождение и понимание прочитанного. Тем самым, опять-таки речь должна идти о неких специфических текстах, усвоение содержания которых рассматривалось дьяком как обязательное для занимающего царский престол лица.

В целом представляется, что сказанное Тимофеевым о Годунове можно перелагать как: «Он же пренебрег силой сказанных богом слов или не понимал их, будучи в этом неискусен, поскольку с детства не перечитывал строки учений». В этом случае усматривать в тексте дьяка свидетельство о безграмотности царя было бы неверным.

¹⁷ Именно такую поправку в понимании рассматриваемого фрагмента предложила М. Свобода: «Указание Тимофеева на неграмотность Бориса не следует понимать буквально; Тимофеев описывает Бориса как „не разумне“, т. е. тот, кто не понимает книг, и „не книгочий“ — тот, кто их не читает. Можно предположить, что автор указывает не на неграмотность царя, а на его неспособность понять Священное Писание, так как Борис „презре словес силу, глаголемых богом“, т. е. отказался от истины Слова Святого Писания» (Свобода М. Образ царя во «Временнике» Ивана Тимофеева // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 399). Разумеется, вряд ли стоит говорить об отказе Годунова от «истины», содержащейся в библейских текстах. Более верным представляется усматривать отсутствие прилежания в ее постижении.

К сожалению, используя выражения Тимофеева, М. Свобода допускает неточность: «не разумне» вместо верного «не разуме», что, впрочем, можно расценить как простую опечатку. Еще большую досаду вызывает то, что в позднейшей публикации перевода сочинения дьяка (БЛДР. Т. 14. С. 569) мнение исследовательницы никак не было учтено.

¹⁸ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 28. М., 2008. С. 43, 201.

¹⁹ Державина О. А. Исторический и географический комментарий // Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 479.

В другом месте автор «Временника» заметил о Борисе: «Грамотичного учения не сведый же до мала от юности, яко ни простым буквам навывчен бе. И чюдо! первый бо той в Росии деспод безкнижен бысть, в миролюбных же двизаемых вещех многосугуб коварств паче тацех многокнижных».²⁰ Первое из процитированных предложений в переводе О. А. и А. М. Державиных приняло вид, никак не свидетельствующий об адекватном понимании текста оригинала: «От малых лет до юности он не знал грамматического учения настолько, что даже и простым буквам не был научен».²¹

Если принимать предложенное переводчиками как отвечающее смыслу написанного Тимофеевым, то возникает неизбежный вопрос о времени обучения Годунова чтению, если уж он не учился этому только с малолетства до юности. Видимо, следует подозревать, что этим мастерством он овладел в более зрелые годы, что выглядит весьма странно и никак не согласуется с версией о полной безграмотности Бориса, допускаемой интерпретаторами при истолковании первого из рассматриваемых фрагментов сочинения Тимофеева.

Примечательно, что при переводе в начале фрагмента предлоги «до» и «от» поменялись местами²² и появилось слово «лет», отсутствующее в оригинале.²³ Все это существенно влияет на понимание смысла высказывания Ивана Тимофеевича. На самом деле следует лишь по-иному поставить запятую, после чего текст без всяких дополнений примет вполне понятный образ: «Грамотичного учения не сведый же до мала, от юности яко ни простым буквам навывчен бе». Автор «Временника» заметил, что Борис Федорович «грамотичного учения» не постиг даже в ничтожной мере — «до мала», поскольку еще с юности не уделял должного внимания чтению книг.

В первом предложении рассматриваемого теперь фрагмента наблюдается различие автором «Временника» «грамотичного учения»,

²⁰ Временник Ивана Тимофеева. С. 67. Цитируя этот фрагмент, О. А. Державина писала, что именно в «бескнижии» Годунова Иван Тимофеев видел одну из причин уклонения Бориса на путь зла (*Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник»*. С. 382).

²¹ Временник Ивана Тимофеева. С. 235.

²² Такую мену допускал и И. И. Полосин, считавший всю фразу «Грамотичного учения не сведый же до мала от юности, яко ни простым буквам навывчен бе» вставкой неясного происхождения (*Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. С. 290*).

²³ Это никак не соответствует заявлению О. А. Державиной, что «сложность и запутанность синтаксических отношений в речи Тимофеева, обилие в ней намеков и сознательно зашифрованных выражений делают необходимыми при переводе на современный язык значительного отступления от самой конструкции авторской речи» (*Державина О. А. Археографический комментарий // Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 449–450*).

которое может разделяться по стадиям, в частности, даже «до мала», и полного отсутствия навыка чтения и письма, который и подразумевается, видимо, в этом «малом». Именно в данном случае можно было бы считать, что Иван Тимофеевич склонен полностью отрицать способность его персонажа к чтению. Однако последнему, по нашему мнению, противоречит использование выражения «навычен», которое трудно воспринимать иначе, чем производное от «навычай» — «обычай, обыкновение».²⁴ Следовательно, не уметь грамоте и не знать буквы — не одно и то же. Последнее говорит о полной неспособности лица прочитать написанное, а тем более написать что-либо, первое же на какой-то стадии подразумевает умение читать.

У Тимофеева, таким образом, речь идет не о неумении Бориса Федоровича разбирать «простые буквы», а об отсутствии у него опять-таки прилежания в освоении именно книжных текстов, навыка в их чтении.²⁵ Новый царь, в отличие от своего предшественника, с юных лет не склонен был употреблять время на постижение книжной премудрости, почему и характеризуется как «бескнижен», что отнюдь не означает, будто он вовсе не умел читать, в том числе и тексты иного характера.²⁶

Оппонируя автору «Временника» О. А. Державина и В. И. Охотникова отвергали версию о полной безграмотности Бориса Годунова, ссылаясь на сохранившиеся его собственноручные подписи на грамотах,²⁷ а первая из них заметила, что «он не был начитан в „священном писании“, и это дает Тимофееву основание назвать его „бескнижным царем“».²⁸ Однако, поскольку в предложенной ею же трактовке текста оригинала Иван Тимофеевич полностью отрицает владение Борисом простой грамотности, возникает впечатление, что сочинитель не опа-

²⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 45.

²⁵ Не разбирая сколько-нибудь подробно написанного во «Временнике», такого же мнения придерживался С. Ф. Платонов (*Платонов С. Ф.* Москва и Запад. Борис Годунов. М., 1999. С. 172).

²⁶ Примечательно, что в содержащейся в Повести о житии царя Федора Ивановича пространной и крайне положительной характеристике Бориса Годунова (ПСРЛ. Т. 14. М., 2000. С. 6–7) патриарх Иов не упомянул о его прилежании в постижении содержания церковной литературы.

²⁷ Образцы такой подписи на данных Дмитрия Ивановича и Бориса Федоровича Годуновых Троицкому Ипатьеву монастырю 25 марта 1572 г. и Степаниды, жены Федора Ивановича Годунова, с сыном Борисом 1575/76 г. см.: *Шереметев С. Д.* Грамоты с подписями Бориса, Дмитрия и Степана Годуновых (7080–7111 гг.). С. 6. О значении первого из названных документов для уточнения генеалогии Годуновых см.: *Козляков В. Н.* Борис Годунов. Трагедия о добром царе. М., 2011. С. 48–49.

²⁸ *Державина О. А.* Исторический и географический комментарий. С. 479. Ср.: ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 581.

саясь упреков в свой адрес со стороны хорошо знавших Годунова людей, попросту клеветал на обладателя царского престола, так как между характеристиками как «бескнижного» и «безграмотного» разница весьма значительна.

О. А. Державина заметила, что «от писателя-историка Тимофеев требует, прежде всего, неподкупности и правдивости при оценке людей и событий».²⁹ Отчасти с нею не согласен А. В. Каравашкин, давший общую характеристику труда Тимофеева: «Ему предстояло ответить на головоломный вопрос о причинах Смуты в Русском государстве. Тимофеев, однако, пришел к весьма нетривиальному результату. Он вполне сознательно провозгласил тезис о невозможности правдивой истории, отказался от права быть летописцем, вместо исторического нарратива создал лирический монолог, полный покаянных самобичеваний, тяжеловесных метафор, темных и весьма надуманных перифрастических оборотов».³⁰ В сказанном Каравашкиным сомнительным выглядит утверждение о невозможности в представлении Тимофеева правдивой истории.

Основанием для суждения О. А. Державиной послужило читающееся во «Временнике» замечание о способе описания деяний «не сущих» царей: «А иже от не сущих ниже благословно и через подобство на скакающих на царство, сицевых яве от благих по всему отделися суд: необличнаго же умолчания ради, еже о тех нечестиих списателе, мню, с сими равнее истязуются», в предложенном переводе выглядящее следующим образом: «А о других и о тех, которые без благословения и незаконно на скакивали на царство, ясно, что для них будет отдельный от благих суд. Думаю, что и писатели, которые умолчат и не обличат их нечестие, одинаково с ними будут истязаться».³¹ Хотя и в данном случае перевод не отличается безукоризненной точностью, все же основная мысль автора передана верно. Историк, замалчивающий о неблагоприятных поступках царей, отнесенных Иваном Тимофеевым к числу «не сущих», будут осуждены наравне с самими этими властителями, то есть долгом писателей является следование истине в представлении читателю их образов. А поскольку сочинитель «Временника» относил Бориса Федоровича к категории «не сущих» царей,³² то следует думать, что он не должен был бы осмелиться и противоречить очевидному в вопросе о грамотности Бориса Федоровича.

И хотя кто-то все-таки распространял клеветнические вымыслы, жертвой которых оказался Исаак Масса, написавший в своем «Крат-

²⁹ Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». С. 401.

³⁰ Каравашкин А. В. Иван Тимофеев: история и риторика. С. 108–109.

³¹ Временник Ивана Тимофеева. С. 33–34, 198.

³² Свобода М. Образ царя во «Временнике» Ивана Тимофеева. С. 397.

ком известии о Московии», что Борис Федорович не умел «ни читать, ни писать»,³³ в предлагаемой теперь интерпретации утверждения Ивана Тимофеева никак не противостоят суждениям о Борисе Федоровиче других его современников, например, Джерома Горсея, писавшего о необразованности Годунова, но никак не о его безграмотности.³⁴

В Первоначальной редакции первой главы «Сказания» или, как называл свое сочинение сам автор,³⁵ «Истории» Авраамия Палицына³⁶ по спискам ГИМ, собр. Забелина № 641 и РГБ, МДА № 175 одинаково читается: «Но аще и разумен бе в царских правлениях, но писания божественнаго не навык и того ради в братолюбствии блажен бываше».³⁷ Согласно этому тексту, Борис Федорович, хотя и не обла-

³³ *Исаак Масса*. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 44. Вряд ли распространение подобных слухов могло происходить из среды, далекой от царского двора. Скорее всего, они были порождением тех же кругов, которые бездоказательно, но не безуспешно обвиняли Бориса Федоровича во множестве преступных деяний. Вероятно, такие рассказы возникли еще до воцарения Годунова, в период правления Федора Ивановича.

Впрочем, это была не самая опасная для репутации Годунова молва. Так, много ранее написания Массой своей книги польские послы говорили московским боярам: «А и к самому светлой памяти великому князю государю вашему Федору Ивановичу каким образом смерть пришла — вы сами более, нежели мы, слышали и более можете знать. В государстве его королевского величества от многих ваших же людей о таковых Борисовых делах еще при его жизни слышно было, и не тайные то дела, и сами думные бояре, когда после той смуты с вами, послами, на совете заседали, также плохо о Борисе припоминали» (*Эйльбарт Н. В.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ. М., 2013. С. 42).

³⁴ «...Склонен к черной магии, необразован, но умом быстр, обладает красноречием от природы» (*Джером Горсей*. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 133). А. А. Севастьянова обратила внимание, что такая характеристика русского царя содержится в той части сочинения англичанина, которая была написана с использованием не только собственных воспоминаний, но и чужих рассказов (*Севастьянова А. А.* Портрет Бориса Годунова в Записках Джерома Горсея // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород, 2007. С. 13–14). Однако именно для замечания о необразованности Годунова Горсею, лично знакомому с «узурпатором», когда тот был еще «правителем», дополнительные источники сведений не требовались. Дж. Горсей был близок к Б. Годунову до 1588 г., и лишь впоследствии отношение к Годунову стало явно недоброжелательным (*Севастьянова А. А.* Джером Горсей и его сочинения о России // Джером Горсей. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 25–27).

³⁵ *Солодкин Я. Г.* О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 290. Примеч. 1.

³⁶ Биографические данные об Авраамии Палицыне см.: *Солодкин Я. Г.* «Конечная погибель Русской земли». С. 10–24.

³⁷ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 250. О. А. Державина выдвинула версию о принадлежности первоначальной редакции начальных шести глав

дал навыком понимания божественного писания, управлял государством весьма разумно.³⁸ Тот же смысл при минимальной лексической правке сохранен и в Окончательной редакции Сказания»: «Но аще и разумен бысть Борис в царских правлениях, но писания божественнаго не навык и того ради в братолюбии блажен бываше».³⁹

Таким образом, оказывается, что Иван Тимофеев нисколько не уменьшил степень грамотности одного из персонажей своего сочинения, лишь вполне справедливо отметив отсутствие у него стремления овладеть премудростью «божественных писаний» в той мере, в какой это подразумевалось необходимым самим автором «Временника».

«Сказания» архимандриту Троице-Сергиева монастыря Дионисию Зобниновскому, приведя о нем сведения биографического характера (*Державина О. А.* «Сказание» Авраамия Палицына и его автор // *Сказание Авраамия Палицына*. М.; Л., 1955. С. 34–43). Эта гипотеза была отвергнута другими исследователями (*Солодкин Я. Г.* О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына. С. 292. Примеч. 16; С. 304; *Морозова Л. Е.* Вопросы авторства и датировки первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына // *АЕ* за 1983 год. М., 1985. С. 83–84).

Вопросы атрибуции и хронологии создания «Сказания, киих ради грех», как весь текст шести глав назван в Забелинском списке, остаются в настоящее время спорными. См.: *Солодкин Я. Г.* О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына. С. 290–304; *Морозова Л. Е.* Вопросы авторства и датировки первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына. С. 76–86; *Тюменцев И. О.* Из истории создания «Истории» Авраамия Палицына // *ТОДРЛ*. Т. 57. СПб., 2006. С. 234–247; *Солодкин Я. Г.* «Конечная погибель Русской земли». С. 31).

³⁸ Крайне осторожно о данном месте в «Сказании» высказался С. Д. Шереметев: «Не относится ли это замечание к недостаточному знакомству Годунова с духом божественных писаний, ради чего Борису Федоровичу не раз приходилось в жизни уклоняться от пути, с этим духом согласного?» (*Шереметев С. Д.* Грамоты с подписями Бориса, Дмитрия и Степана Годуновых (7080–7111 гг.). С. 2). И. О. Тюменцев считал, что именно отсутствие навыка в чтении божественного писания в представлении Авраамия Палицына было основным недостатком Годунова как правителя государства (*Тюменцев И. О.* Из истории создания «Истории» Авраамия Палицына. С. 243).

³⁹ Сказание Авраамия Палицына. С. 101; *Платонов С. Ф.* Москва и Запад. Борис Годунов. С. 172.